

Екатерина РУ

**МЕРТВЫЕ
ПИАНИСТЫ**

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Р82

Серия «Виноваты звезды»
Дизайн обложки: *Юлия Межова*

Ру, Екатерина Алексеевна
Р82 Мертвые пианисты / Екатерина Ру. — Москва: Издательство АСТ, 2019. — 317, [1] с. (Виноваты звезды).
ISBN 978-5-17-117250-3

Страдающая аутизмом девочка Надя не находит своего места в жизни, пока не открывает для себя мир музыки. Оказавшись необычайно одаренной пианисткой, она не стремится к славе и пытается через музыку прежде всего уйти от болезненной реальности. Как некоторые люди с синдромом Аспергера, Надя стремится «упорядочить» в своей голове мир и мысленно составляет различного рода списки: например, список умерших пианистов своего родного города или список учеников несуществующего класса. Постепенно эти списки проникают в жизнь, таинственным образом переплетаясь и влияя на судьбу Нади и окружающих ее людей.

Роман «Мертвые пианисты» об одиночестве «человека в себе». О его выдуманном мертвом мире, который оживает, смешиваясь с реальностью. О том, что все мы немного «люди в себе».

© Екатерина Ру, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Пролог

Надя выходит на сцену Королевского фестивального зала. Приближается к роялю. Надя слышит в тишине свои шаги и с ужасом понимает, что единственные звуки зала исходят от нее. И в ближайшие минуты все звуки тоже должна мастерить она сама. Своими руками. Надя смотрит на свои пальцы, замечает заусеницу на правом мизинце и тут вспоминает, что нужно посмотреть на зрителей. Улыбнуться им, поклониться. Так положено. Нужно всегда смотреть на людей. «Смотри на меня», — говорила ей мама двенадцать лет назад, поворачивала холодными пальцами за подбородок. А точнее — двенадцать лет, пять месяцев и три дня назад. Наде тогда было почти пять. Глубоко внутри ей и сейчас почти пять. Надя смотрит в притихший зал и постепенно замирает, словно скованная плавной, неспешной смертью. Зрители ждут от Нади Рахманинова. Или не Рахманинова? Тишина зала схлестнула Надины мысли. И тут возникает другой страх, более объемный, чем страх тишины и собственного тела. Всплывает разбухшим утопленником из глубины Нади на поверхность. Перед глазами все начинает рябить, терять четкие контуры. Наде кажется, что она стоит на ярко освещенной дачной кухне, а

зрители сидят снаружи, в вечернем саду. За оконными стеклами все плавится, струится, утекает в назревающие сумерки. И только двадцать три зрителя на самом дальнем ряду видны очень хорошо. Они смотрят на Надю осуждающе, даже угрожающе. Особенно тот, что с краю, — с кудрявыми смоляными волосами и родинкой на щеке. «Убийца», — словно шепчет он, не открывая рта. И сидящие рядом с ним кивают, поджав губы. «Нет, я не убийца, — испуганно шепчет в ответ Надя внутри себя. — Я просто... Мне так сказали, сказали, что я должна поехать». «Нет, ты убийца», — не соглашается кудрявый. Виталий Щукин. А рядом с ним кто? Анна Козырева и Антон Ильинский. Да, они. Так странно, обычно Надя не видит их лиц четко. Обычно Надя выделяет их из темноты памяти и воображения исключительно по опознавательным признакам. Вроде густой короткой челки или родинки. А теперь черты их лиц проявились в полной мере, и они сидят перед Надей живее всех живых. И самый живой и самый грозный — Виталий Щукин. Медленно, на дрожащих ватных ногах она продолжает путь к роялю, а тьма перед глазами сгущается. Еще чуть-чуть, и Надя полностью провалится в черноту. Соскользнет в бездонные пропасти собственных глазниц. «Убийца, — все громче шепчет Виталий Щукин. — Бедные старики. Бедная моя Рита». Шепот расправляется в полнозвучный голос, и этот голос начинает наливаться криком. «Я не убийца. Я все могу исправить, — шепчет Надя в глубине себя. — Я все исправлю». Надина левая рука нащупывает клавиши, бесшумно по ним скользит. В животе стремительно раскручивается пустота, словно разъедая внутренности. «Я все исправлю», — повторяет Надя и, не убирая с клавиш левую руку, с силой захлопывает крышку рояля.

Смотри на меня

— Смотри на меня,— говорит мама. Ледяными острыми пальцами берет Надю за подбородок. Поворачивает к себе.— Куда ты опять смотришь? Что там такого? Там ничего. Там шкаф, просто шкаф для белья!

Но Надя смотрит вовсе не на шкаф. Надя смотрит в глубь себя. Там, внутри, мягко, уютно и все знакомо. Вылезать оттуда не хочется. Совсем. Не хочется вытаскивать взгляд из привычного тепла наружу — в холодный и враждебный мир. Снаружи все непредсказуемо, все шатко. Лучше не рисковать.

— Я к тебе обращаюсь! Сюда смотри. Видишь, заяц на картинке? Повтори: «за-яц»!

Мама трясет перед Надиным лицом огромной книгой с болезненно яркими картинками. Не вылезая из глубины себя, Надя скользит глазами по открытой странице. Заяц серый, а вокруг него зеленая трава и розовые цветочные бутоны. При виде этих бутонов Надя вспоминает ветчинные рулетики, которые в Новый год лежали на столе. Вслед за рулетиками возникают розовые свиные ребрышки из мясной лавки напротив, и Надю начинает тошнить. Утренний йогурт кисло всплескивается в горле. Надя закрывает глаза. Очень хочется развидеть и зайца, и бутоны, и рулетики. Но на обратной стороне

век по-прежнему сочно розовеют мясные цветы с белыми прожилками.

— Повторяй за мной. Заяц! Говори. За-яц, за-яц, за-яц, мать его!

Надя молчит. К ушам изнутри подбирается тяжелое жаркое гудение крови.

— Ты будешь повторять или нет, дрянь такая!

Мамин голос дребезжит, как сервант в гостиной, когда мимо дома проезжает трамвай. Видимо, мама сердится. Наде это очень не нравится, ей хочется провалиться еще глубже в себя, в собственное тело. А тело спрятать в какой-нибудь чехол. Хотя бы в тесный пропахший лавандой бельевой шкаф.

Книга с шумом падает на пол, и мама закрывает лицо руками.

— Боже мой, за что мне это мучение? Что я сделала не так? Почему ты у меня такая, ну почему? Я этого не заслужила, нет, не заслужила. Я просто хотела ребенка — милого, забавного, умненького ребенка. И вот что я получила в итоге?

Все мамины слова слипаются в жирный розовый фарш. Пытаясь справиться с тошнотой, Надя мысленно считает от пятидесяти до одного. Уже на двадцати семи становится легче.

А через час становится совсем легко, потому что приходит бабушка, и они с мамой идут на кухню пить чай и разговаривать. А это значит, что Надю в ближайшее время точно никто не будет допекать. Не будет ни зайцев, ни цветов, ни прикосновений острыми пальцами. Наде дана небольшая передышка. Можно расслабиться и уютно устроиться внутри себя.

Надя сидит в коридоре, прислонившись спиной к батарее. Вдыхает сосновый освежитель. Из кухни доносит-

ся звяканье чашек о блюдца. Мамин голос теперь звучит сухо и остро, словно мертвые листья шелестят на ветру.

— Ну и что мне прикажешь делать? Ребенку почти пять лет, ни слова не говорит, не смотрит ни на кого, не улыбается.

— Ты к врачу-то ее с того года хоть раз водила?

— Ой, а что эти врачи? Врачи, тоже мне. Только и говорят, что дочка у вас отсталая. Я это как бы и сама понимаю.

— Понимает она. А что ты понимала, когда с этим горе-скульптором связалась?

Из приоткрытой кухонной двери льется свет. Приоткрыв рот, Надя рассматривает узоры на обоях. То ли грозди ягод, то ли цветы — непонятно. Чуть подальше от кухни, в глубине коридора, полутьма немного уплотняется, и в узорах можно разглядеть лицо старика. Много старческих лиц.

— Ой, мама, Вадик-то тут при чем?

— Да при том. Разве от такого мужика может родиться нормальный ребенок?

— Мама, хватит уже. Я не хочу опять этот бред слушать.

— Вот и хватит. Не жалуйся тогда.

Надя встает, идет в свою комнату. В теплый и кислый воздух. За окном воздух морозный, сладковатый, чуть колкий. Но Надину комнату редко проветривают. Еще за окном есть серый девятиэтажный дом, похожий на прошлогоднюю, полежавшую в сыром буфете вафлю. Почти такой же, как тот, в котором живет Надя с мамой и папой. В этом доме напротив разноцветными огоньками телевизоров мигают окна. С каждым полчасом этих огоньков становится все больше. Наверное, то же самое происходит сейчас и с Надиным домом, но Надя не может этого увидеть.

Совсем скоро вечер, и комната вот-вот опрокинется в темноту, нырнет в черное. А пока в комнате полумрак, а на небе воспаленные полосы, солнечные ранки. Небо порезано. Надя прошлым летом упала с трехколесного велосипеда и тоже порезалась о битое стекло. Теплая ленточка крови долго сбегала вниз по руке. Надю тогда сильно ругали.

— Я больше не могу, я живу, как в аду, из-за этой маленькой дряни, — доносится из кухни мамин голос.

— Отдай ее мне. Я быстро из нее человека сделаю. Она у меня через неделю заговорит и улыбаться будет.

— Тебе? Не смейся. Занимайся лучше своими учениками. Человека она из нее сделает. Да ты не знаешь, о чем говоришь! Ты просто не представляешь.

На подоконнике уже пятый день лежит мертвая муха. Сухая, темно-серая, скрюченная — она напоминает Наде соседку с седьмого этажа. А внизу, под окном, проплывают все более наполненные трамваи — вытянутые красные рыбины с горящими глазами. Рыбы всегда молчат, Надя это знает. Надя тоже молчит.

— Чего это я не представляю? Тебя вот вырастила и с этой разберусь.

— А ты не сравнивай! И вообще это мой крест, мне его и нести.

— Тоже мне, святая мученица, страдальица.

— Это моя дочь, и я ее люблю, между прочим. И не позволю никому у меня ее отобрать!

Через пять минут мама уже в Надиной комнате и, заливаясь горячими слезами, обнимает Надю. От мамы пахнет сигаретами и очень сладкими цветочными духами.

— Доченька, ты у меня самая лучшая, самая прекрасная из всех на свете. Никому тебя не отдам.

Надя изо всех сил прижимает руки к телу. Туго сворачивается внутри себя, сжимается, словно пружина. Неподвижным взглядом смотрит в окно, на густеющую городскую темноту, прошитую цветными огоньками. Надя ненавидит объятия.

— Все у тебя будет хорошо. И у меня тоже. Ты поняла? Поняла?

Мама отчаянно трясет Надино замершее тело.

К счастью, натиск рук, духов и слез длится недолго. Мама, вспомнив о начавшемся сериале, уходит из комнаты, и внутренняя Надина пружина вновь расправляется. В комнату наплывает тишина. Плотная, густая тишина, через которую никому не прорваться. Надя закрывает глаза и представляет, что сидит в брюхе огромного мертвого кита, выброшенного волнами на берег.

Это, конечно, правда — Надя редко смотрит на других. И никогда не улыбается. Но ведь и другие, думает она, часто поступают так же. Они с мамой постоянно выходят из квартиры: в магазин, в поликлинику, в детский сад. (Хотя в детский сад уже нет: Надю оттуда исключили.) На улице, в автобусе, в трамвае всегда много людей. Особенно на улице вечером. Мимо Нади проплывают бесчисленные потоки лиц. Лица молодые, старые, бледные, темные, багрово-оспенные, блестящие от пота; простые и круглые, как яичница; по-лошадиному вытянутые; морщинисто-желтые, как печеные яблоки; уставшие и помятые, словно скомканные простыни. И все эти лица вечно погружены в мрачную неподвижность. Как будто медленно тонут в стоячей чернильной воде. Люди не смотрят друг на друга, они тоже смотрят в себя, как и Надя. Скользят бесшумно, с поджатыми губами, с пустыми замутненными взглядами, каждый в своем футляре. И почти никогда не улыбаются.

Еще Надю обвиняют в том, что за свои пять лет она никому не сказала ни слова. Мама без конца твердит, что нужно жить вовне, нужно реагировать словами на то, что с тобой происходит. Разговаривать с теми, кто тебя окружает. Но при этом сама мама так делает далеко не всегда. Иногда они с Надей встречаются на лестнице, в лифте или во дворе соседей. Например, старушку с седьмого этажа, похожую на мертвую муху. Или уса-того собачника — кажется, Павла Сергееча, — который вечно сплевывает ржавую густую слюну. Или Аллу Владимировну с двухъярусной прической, жабым ртом и бровями-ниточками. И мама никогда ничего им не говорит — хотя они ее окружают. И они в свою очередь ничего не говорят окружающим их Наде и маме. Просто отводят взгляд и молча проходят мимо. Надя и имена-то их знает случайно: однажды во дворе проводилось собрание жильцов, и женщина из ЖЭКа громко к ним обращалась. А вот старушки в тот день не было, и Надя так и не знает, как ее зовут.

После множества молчаливых встреч Надя подумала, что, видимо, все не настолько просто. Видимо, разговаривать с окружающими нужно лишь в том случае, когда они сами обращаются к тебе. Но потом стало ясно, что и это не всегда так. Однажды они с мамой шли в гости к какой-то маминой подруге. Надю обычно редко берут в гости, в основном оставляют у бабушки. Но в тот раз взяли, потому что «у бабки, видите ли, родительское собрание, четвертое за год». Недалеко от трамвайной остановки к ним обратилась девушка в лиловом пуховике.

— Подождите, тут вот папа... Пожалуйста, — сбивчиво бубнила она. И указывала мохнатой серой варежкой на пожилого мужчину, сидящего на скамейке.

У мужчины были закрыты глаза и приоткрыт рот с длинными желтыми зубами. Над верхней губой алела свежая бусина крови.

Девушка в пуховике обращалась к Надиной маме и другим прохожим, но никто ей почему-то не отвечал.

В тот вечер у маминой подруги было семь человек. Они пили коньяк и громко смеялись.

— Ириш, да не трогай ты ее, — сказала мама, когда одна из подруг попыталась усадить Надю за общий стол. — Она не реагирует ни на что. Как отмороженная. Пусть сидит себе в своем уголке.

От подруги пахло кислым потом, спиртом и приторным ванильным кремом для лица. Она положила ладонь на Надино плечо:

— Детка, ну что ж ты? Такая напряженная, прямо каменная. Пойдем к нам, выпьем чайку с шоколадкой.

Надя не отвечала, и костлявые пальчики с облупившимся бордовым лаком отцепились.

— Вот видишь! — снова сказала мама. — Она будет молчать, хоть ты тресни. Я каждый день такую картину наблюдаю. Это мне кара за все мои грехи.

— Да какие грехи, Мариша, о чем ты?! И вообще, ты большая молодец, что не сломалась, что растишь такого ребенка.

— Уж это точно, — подхватил кто-то еще. — Вы с Вадиком настоящие герои. Не каждому дано столько терпения.

— Да ну бросьте вы, какие мы герои.

— Правда-правда. И давайте, кстати, выпьем за то, чтобы терпение и мужество никогда вас не покидало!

Надя сидела на полу рядом с комодом. Смотрела вверх — на перемотанный изолентой провод люстры. Вниз — на синие тапки хозяйки дома, на ее полные

икры со вздутыми корнями вен. Но в основном смотрела внутрь себя. Внутри Нади был сидящий на скамейке мужчина и была девушка в лиловом пуховике. Такие же, как на остановке. Только их лица были немного размазаны памятью и дорисованы заново. Оба казались застывшими и очень печальными. Ничего не говорили, не двигались, словно вмерзли в зимнюю стеклянную тишину. Надя долго их разглядывала, почти весь вечер, и почему-то чувствовала, как за ребрами тяжело перекачивается скользкий холодный ком.

Никто из гостей, к счастью, больше не обращался к Наде, не пытался вытянуть ее из молчания наружу, к шумному и тошнотворно пестрому столу.

На самом деле Надя молчала не от отсутствия слов. Слова у Нади были, причем в большом количестве. Из некоторых даже выстраивались стихи:

В комнате страшно и пусто
В трансцендентной лежать синеве.
И только ломаются с хрустом
Ступеньки в моей голове.

Это стихотворение сочинилось в детском саду, во время тихого часа. А точнее, после него. Всех детей разбудила нянечка Светлана Васильевна. Увела на полдник, а потом, видимо, на прогулку. А вот про Надю забыла, не заметила ее в дальнем левом углу. И Надя еще два часа лежала в непривычно пустой детсадовской спальне. Натянув колючее одеяло до подбородка, разглядывала ледяные синие стены, засаленные занавески, причудливую сетку трещин на потолке, похожую на карту рек.

Слово «трансцендентный» Надя однажды услышала по телевизору, когда мама переключала каналы и случайно наткнулась на «Культуру». Разумеется, Надя не знала, что оно обозначает. Не знала и почему именно ступеньки ломаются в голове, а не что-нибудь другое. Но ей казалось, что все очень слаженно, звучно, красиво. Стих и сам как будто разламывается с легким приятным хрустом, словно тоненькая ореховая вафля, а внутри отдает синим морозным небом, застывшим холодом, воскресной тоской.

Писать Надя не умела, поэтому все свои слова — сплетенные в стихи и нет — носила исключительно в голове. Они там жили собственной жизнью, росли, наливались смыслами, выстраивались в разные, все более сложные ряды. Им было хорошо в своем замкнутом мире, и доставать их оттуда не хотелось. Не хотелось выбираться из обволакивающего густого молчания — как порой не хочется в холодный день вылезать из теплой ванны. Молчание затягивало в глубь себя и там щедро рассыпалось спрятанными немymi словами.

— Хочешь йогурт, так и попроси. Скажи: йо-гурт, — говорит мама.

Бабушка ушла час назад, а папа вернулся с работы. Втроем они сидят на кухне. Вечер за окном давно запекся, набух чернотой. Густая вязкая темень полностью поглотила город по ту сторону. Не поглотила только мучительно яркий свет кухни: по окну растекается лишь он — вместе с тонушим в нем столом и тремя согнутыми телами. Кухня замкнулась сама в себе.

Папа уже доел и теперь молча смотрит в свой телефон. С мамой не разговаривает. У мамы в руках блестят

нож и вилка, вгрызаются в розовато-серую сосисочную мякоть, в жухлые листья салата. Мама тоже молчит, поджав губу; искоса смотрит на Надю. А та смотрит в телевизор, на бородатого мужчину. Мужчина рассказывает о глобализации. Глобализация влияет на российский рынок труда. Телевизор словно плывет Наде навстречу в слепящем кухонном свете.

Папа чуть слышно усмехается.

— Что? Что тебя так веселит? — резко говорит мама.

— Ничего. Я вообще молчу.

— Вот и молчи дальше. Иди переписываться со своими шлюхами в другое место.

Мама поворачивается к Наде, не выпуская ножа и вилки из рук:

— Ну? Так и не будешь ничего жрать? Решила меня довести? Да пожалуйста, не жри ничего. Только если хочешь шоколадный йогурт, придется попросить.

Надя хочет йогурт, но не настолько, чтобы об этом сказать. Произнесенное слово слишком выпукло, слишком тяжело. Слово неподъемная крышка люка. Да и сам язык во рту кажется огромным, разваренным, неподъемным. И Надя просто отодвигает от себя тарелку с нетронутой ненавистной сосиской.

Папа на секунду поднимает на Надю глаза и, вновь усмехаясь, качает головой:

— Тоже мне, вещь в себе!

Вещь не в себе

Иногда Наде бывает плохо, и она выходит из себя. Первый серьезный приступ случился четыре месяца назад в детском саду. Там все с самого начала не заладилось. Было очень громко, тесно, визгливо, пахло тушеной капустой и хлоркой, а на шкафу в коридоре сидел плюшевый львенок с вырванным правым глазом. Надя подолгу рассматривала этого львенка и представляла, что будет, если вырвать глаз самой себе. Возможно ли это вообще? В конце концов приходила нянечка, Светлана Васильевна, хватала Надю за плечо красными и липкими, как сардельки, пальцами и вела в комнату.

— Нечего тут на сквозняке стоять. А то заболеешь, и придет мамка твоя кричать, что мы тут детей замораживаем.

В комнате на ковре играли дети, вырывали друг у друга игрушки, стреляли из пластмассовых пистолетов. Пытаясь успокоиться, Надя наматывала круги. Иногда делала ровный круг, через всю комнату. Иногда ходила восьмеркой, переступая через разбросанные детали от «Лего». Похлопывала себя по щекам, трясла кистями рук, мысленно повторяла слова заставки из сериала «Холод страсти», который по вечерам смотрела мама.